

ПРОЛОГ

У дверей дома 1040 по Пятой авеню на Манхэттене горели свечи. Несмотря на пасмурную погоду, здесь собралась большая толпа, в которой выделялись многочисленные репортеры. Никто не шумел, лишь негромкий шепоток разносил слухи о том, что жизнь самой известной в мире женщины стремительно угасает.

Весь день улица была запружена непрерывным потоком лимузинов и такси: то подъезжали носители широко известных фамилий и титулов — родственники, друзья, сотрудники, а также представители прессы и телевидения, любопытствующие и знакомые. Внутрь пускали далеко не всех — только самых близких. Первый признак того, что надежды на ее выздоровление нет, появился во второй половине дня, когда в подъезд вошел Джордж Бардес, пастор церкви Святого Томаса Мора на 89-й Восточной улице. Он прибыл, чтобы совершить последние обряды, выслушать исповедь и причастить умирающую. Пробыв внутри около часа, священник вышел, взглянул прямо в объективы и нервным жестом дал понять репортерам, что не намерен с ними разговаривать. Через несколько часов одна из свечей у подъезда погасла из-за неторопливо накрапывающего дождя. На это обратили внимание многие, восприняв как печальное предзнаменование, и притихшая было людская масса всколыхнулась.

В это время в пентхаузе одного из самых дорогих и уважаемых зданий «Большого яблока» завершался очередной виток истории бурного и непредсказуемого, трагичного и блестящего XX века. В спальне, освещенной антикварными лампами, Жаклин Кеннеди Онассис проводила свой последний час на земле, то

погружаясь в сон под действием морфия, то выныривая из него помутненным сознанием в ставшую уже привычной боль. У ее постели были любимые дети, Джон и Кэролайн, родная сестра Ли и сердечный друг Морис, так и не ставший ее третьим законным мужем. Последние слова, с которыми Жаклин обратилась к сыну, были: «Пожалуйста, пообещай мне, что ты не станешь пилотировать собственный самолет. Пожалуйста!»

«Не стану, мама, — пообещал он. — Поверь мне. Не стану».

В 10:15 вечера четверга, 19 мая 1994 года, лечащий врач констатировал ее смерть в возрасте шестидесяти четырех лет. И когда в распахнувшихся дверях подъезда появился плачущий швейцар, по толпе, казалось, прошла волна озноба и послышалось сдавленное оханье. Все всё поняли, и хотя знали, что она умирает, известие о смерти вызвало шок. Многие начали плакать, и вспышки репортерских блицев не могли разогнать гнетущее чувство невосполнимой утраты. «Джеки была слишком молода, чтобы стать вдовой в 1963 году, и слишком молода, чтобы умереть сейчас», — эта мысль, вероятно, посетила в те дни многих американцев.

На следующее утро Джон Кеннеди — младший вышел на улицу и обратился к журналистам: «Вчера вечером, примерно в 10:15, моя мать скончалась. Она была окружена своими друзьями и семьей, книгами, людьми и вещами, которые она любила. Она сделала это по-своему и на своих условиях, и мы все счастливы, что теперь она в руках Божьих».

А репортеры судорожно подыскивали слова, которые смогли бы объяснить всему миру, почему пресыщенная сенсациями Америка скорбит о смерти пожилой миллионерши, которую людская молва то возносила до невысказанных высот, то безжалостно низвергала с пьедестала.

Как случилось, что ее жизнь оказалась неразрывно связана с историей самой могущественной страны и с тем ностальгически идеализированным обликом ушедшей вместе с ней эпохи?

Испокон веков люди любят ставить памятники. И испокон веков обожают их разрушать. Знаменитые личности всегда окружены флером тайны, недосказанности, секретов... И когда речь заходит о Жаклин Бувье Кеннеди Онассис, мифы зачастую заслоняют реальность. Ее жизнь и впрямь порой была похожа на сказку, порой — на триллер, а упорное стремление укрыться от внимания прессы лишь множило число таких мифов. И хотя об этой удивительной женщине сняты десятки фильмов, еще больше написано книг, а газетным и журнальным статьям и вовсе несть числа, до сих пор многое в образе Жаклин остается за кадром.

Однажды она сказала: «Я хочу прожить свою жизнь, а не записывать ее». Но давайте все-таки перелистнем страницы ее дней и ночей, не менее увлекательные, нежели те книги, что вышли в свет ее стараниями. Страницы летописи той, что сумела создать миф и сама стала легендой.

БЕЗОБЛАЧНОЕ ДЕТСТВО ПРИНЦЕССЫ

В последний месяц беременности Дженет Бувье немало поволновалась. Несмотря на отменное здоровье и прекрасные прогнозы врачей, роды никак не начинались, и муж вывез ее из душного Нью-Йорка в фешенебельный курортный поселок Саутгемптон. Но только 28 июля 1929 года — через шесть недель после положенного природой срока — Дженет разрешилась от бремени здоровой девочкой, которую нарекли довольно непривычным для американского слуха французским именем Жаклин. Впрочем, необычного в судьбе этой малышки было достаточно. И личности ее родителей, и то, что проявлять характер она стала еще до собственного рождения, не торопясь покинуть уютный мамин живот... Но вряд ли кто-нибудь тогда мог представить, что новорожденной суждено было стать одной из самых знаменитых американок и символом целой эпохи.

Малышка Жаклин стала долгожданным первенцем биржевого маклера с Уолл-стрит Джона Верну Бувье III и его юной жены Дженет Нортон Ли. К тому времени они были год как женаты и вели богемный образ жизни. Приятели хорошо знали, что вечерами чету Бувье невозможно застать в их шикарных апартаментах в престижном районе Нью-Йорка: они проводили время на приемах, в ресторанах и театрах.

Дженет, родившаяся 3 декабря 1907 года на Манхэттене, была стопроцентной ирландкой. Семья Ли приехала в Америку в 1852 году из ирландского графства Корк во время знаменитого картофельного голода, когда около миллиона ирландцев погибло и еще миллион эмигрировали. Бабушка Дженет по материнской линии,

Маргарет Мерритт, которая готовила и убирала для семьи Ли, говорила на густом ирландском наречии, что очень смущало ее внучку. А друзья и знакомые даже не догадывались, что пожилая коренастая ирландка, которой запрещали спускаться в зал, когда в доме были гости, вовсе не таинственная «горничная», а мать хозяйки дома.

Отец Дженет, Джеймс Томас Алоизиус Ли, имея дипломы инженера, экономиста и юриста, открыл в Нью-Йорке собственную юридическую практику и занялся спекуляциями на рынке недвижимости и банковских услуг. К 1910 году его корпорация «Шелтон Холдинг» отвечала за строительство более двухсот жилых и коммерческих зданий, в том числе 24-этажного отеля «Шелтон» на 49-й улице — самого высокого отеля в мире того времени! В 1929 году он начал строительство роскошного многоквартирного дома на Парк-авеню между 71-й Восточной и 72-й улицами, который был презентован как «самое роскошное и солидное жилое здание в Нью-Йорке». Возможно, именно от деда к Жаклин перешли по наследству интерес к архитектуре и любовь к Нью-Йорку.

Добившись значительных финансовых успехов, семейство Ли вполне могло бы войти в число местной элиты, но... Отношение протестантского большинства, считающего себя «коренными американцами», к католикам-ирландцам было не самым доброжелательным. Обидный стереотип тех лет гласил: «где ирландцы — там беспорядки». Хотя Джеймс Ли умудрился стать одним из самых известных риэлтеров и девелоперов Нью-Йорка, ему даже было отказано в покупке элитного жилья в одном из престижных районов города для своей семьи. Впрочем, эту неудачу скрасили роскошные апартаменты на Парк-авеню, так что Дженет родилась в весьма обеспеченной семье и готовилась к роли светской львицы с младых ногтей.

После школы Дженет отдала в один из самых престижных женских колледжей США — Барнардский. Его она так и не окончила, зато прославилась как известная наездница, завоевавшая множество призов на Восточном побережье, и трехкратная победительница чемпионата охотников на ежегодном Национальном конном шоу. Дженет мечтала стать писательницей и даже записалась на курс драматургии и новеллистики в Колумбийский университет. Правда, результатом ее литературной деятельности стали лишь несколько охотничьих рассказов, напечатанных в иллюстрированном журнале без указания фамилии автора. Инкогнито ее даже порадовало: свое ирландское происхождение, которое долгое время не давало ее семье выбиться в высший свет, она ненавидела до такой степени, что приписывала себе родство с легендарной семьей штата Вирджиния, в которую входили знаменитый генерал Конфедерации Роберт Эдвард Ли и подписавший Декларацию независимости Ричард Генри Ли. Порой Дженет готова была даже признать в фамилии «Ли» китайские корни, лишь бы не считать себя ирландкой.

Атмосфера в родной семье была гнетущей. Свою жену, Маргарет Мерритт, Джеймс Ли не любил, супруги даже не разговаривали между собой. Отношения же с дедом тоже никогда особо теплыми не были. «Он был очень строгий, — вспоминала Дженет, — вдобавок ужасный скряга, несмотря на успешность в бизнесе и богатство. Ему явно недоставало мягкости и теплоты».

В результате семейных неурядиц миниатюрная и обаятельная Дженет, несмотря на умение обворожительно улыбаться, выросла человеком весьма жестким и сдержанным. Самоконтроль и дисциплина въелись в ее натуру накрепко, но под маской истинной леди скрывался буйный темперамент, приправленный изрядной нервозностью.

В конце концов спортивная и амбициозная девушка с приятной внешностью и безупречными манерами сменила ненавистную ирландскую фамилию на французскую, когда вышла замуж за Джона Бувье.

Этот персонаж был весьма примечательной личностью. Чрезвычайно привлекательный мужчина, он имел, как вспоминала позже Жаклин, «потрясающую фигуру», и его колоритная внешность дочерна загорелой кинозвезды всегда выделялась в любой компании типичных американских парней. Смуглолицего черно-волосого красавчика с пронзительно-синими глазами после выхода знаменитого фильма «Шейх» с Рудольфом Валентино в главной роли за глаза называли Шейхом. Крайне тщеславный, он массу времени тратил на уход за своей внешностью, волосок к волоску расчесывая густые черные волосы и тонкие усики а-ля Ретт Батлер из «Унесенных ветром» в исполнении Кларка Гейбла (на которого был действительно похож). Регулярное посещение солярия или закрытого мужского пляжа покрыло все его тело безупречным загаром. Редко кто мог увидеть его небрежно одетым, даже в летнюю жару на нем как влитой сидел модный габардиновый костюм.

Немало времени Джон уделял и спорту, благодаря чему всю жизнь пребывал в отличной форме, хотя к спортивным достижениям не стремился. Зато непременно посещал боксерские чемпионаты, важные футбольные матчи и скачки, получая, кроме удовольствия, еще и выгоду от тотализатора. Из-за азартности, неизменного загара, да еще пристрастия к карточным играм к нему окончательно прилипло прозвище Блэк Джек. Пагубная страсть даже стала причиной исключения юного картежника из подготовительной школы Академии Филипс Эксетер. Тогда его отец посодействовал, чтобы нерадивого юнца приняли в Колумбийский колледж, который когда-то закончил он

сам. Там Джон Бувье в течение двух лет играл в теннис, а затем перешел в Йельский университет.

Престижный Йель ему окончить удалось, хотя и числился там в двоечниках. Интеллектуальному росту он предпочитал участие в разгульных вечеринках с разбитыми девчонками. Последние липли к нему, как одалиски к шейху, и с удовольствием принимали приглашения на пирушки, организатором которых Блэк Джек чаще всего и выступал. Редкая девушка была в силах устоять перед его врожденным артистизмом и харизматичным обаянием. Но когда очередная пассия ему надоела, он без сожаления с ней расставался.

«Моим девизом был Мартин Лютер, — говорил Джон. — Тот, кто не любит вина, женщин и песен, всю жизнь остается дураком». Он совратил даже своих сестер-близнецов, Мод и Мишель. Кроме того, Блэк Джек был бисексуален и вступал в многочисленные связи не только с женщинами, но и с мужчинами, нередко в одну и ту же ночь. Одним из его партнеров был Коул Портер¹, рассказывавший своим друзьям-гомосексуалистам: «Я просто без ума от Джека».

Окончив университет, Блэк Джек работал биржевым маклером, отслужил в армии, а выйдя в запас в чине майора, вернулся к спекуляциям ценными бумагами. На этом поприще ему сопутствовал успех, и ко времени женитьбы он имел собственное место в зале биржи на Уолл-стрит и немалое личное состояние.

Безусловно, Дженет была в курсе походов своего жениха, который был старше нее на 16 лет. Как и многие юные девы до и после нее, надеялась, что любовь изменит ветреного красавчика, и старалась приложить к этому все усилия, даже подружилась с Мод

¹ Популярный американский композитор легкого жанра. Один из немногих авторов, писавших также тексты своих песен.

и Мишель. Увы, ее попытки оказались напрасными: домашний уют Джону вскоре наскучил, а привычки ловеласа никуда не делись. Да и не привык он бороться с соблазнами и отказываться от собственных прихотей. Так что примерного семьянина из него не получилось, а постоянные интрижки на стороне бесили всегда невозмутимую Дженет до крайности.

К тому же взаимоотношения между семьями Ли и Бувье были неприязненными. Родители Дженет, лишь недавно разбогатевшие, относились всего-то ко второму поколению ирландских иммигрантов. А семейство Бувье — их соседи по Парк-авеню и Ист-Хэмптону, объявлявшие себя потомками французских аристократов, — кичились своим происхождением, глядя на Ли сверху вниз. В результате обе семьи считали этот брак мезальянсом.

Забавно, но аристократическое происхождение Бувье — это выдумка главы огромной семьи, майора Джона Верну Бувье — младшего. Его отец со своими двумя братьями были одними из самых успешных дельцов в мире финансов на Уолл-стрит и одними из старейших членов Нью-Йоркской фондовой биржи. Их наследник во время Первой мировой войны был назначен майором Корпуса генерального прокурора армии США, а после войны 40 лет проработал судебным поверенным, не чураясь и биржевых сделок.

Майор Бувье («Майором» его звали все в округе, включая домочадцев) вел обширную общественную деятельность, а с наступлением почтенного возраста занялся, помимо прочего, собственной родословной. Он-то и родил миф, согласно которому Бувье — потомки «старинного знатного рода из города Фонтен близ Гренобля». В 1940 году Майор даже опубликовал в частном порядке свое генеалогическое древо под названием «Наши предки».

Вообще-то фамилия Бувье, на самом деле означающая «пастух», очень распространена во Франции, особенно в районе Альп, где ее носят более 8000 семей. Что же касается династии наших героев, ее основателем был потомственный плотник из Прованса, ставший солдатом армии Наполеона, Мишель Бувье. После разгрома Бонапарта он прибыл в Филадельфию и стал известным мастером-краснодеревщиком. В числе предков Майора были угольщики из Савойи, гончары из Окситании... В общем, голубая кровь в жилах Бувье не текла. Зато истинно французского шарма и обаяния у них было в достатке, и члены семьи старательно поддерживали семейную легенду.

Дочь Джона и Дженет Бувье крестили за три дня до Рождества. При крещении она получила имя Жаклин Ли — в честь Джеймса Ли, самого богатого родственника. Для купели ее даже обрядили в ту же сорочку, в которой некогда крестили деда. Джеймс и должен был стать крестным для Жаклин, но недолюбливавший тещу Джон Бувье воспользовался его опозданием и быстро заменил своим юным племянником Мишелем. По иронии судьбы эта история повторилась спустя много лет, когда Жаклин к алтарю поведет не он, а ее отчим.

Джон, Дженет и Жаклин Бувье жили в Нью-Йорке в огромной двухуровневой квартире из 11 комнат в доме на Парк-авеню, построенном отцом Дженет. Об арендной плате Джон не заботился, поскольку тесть, при всей скупости, предоставил дочери с зятем бесплатное жилье. Рядом располагался Центральный парк, с которым многое связано в жизни Жаклин, в том числе и забавное происшествие. Ей было четыре года, она гуляла в парке с младшей сестрой и няней и случайно отбилась от них. Прибежавшая домой в панике няня сообщила ужасную новость Дженет. Оповестили полицию, и вся семья провела более двух часов в страшном волнении.

Наконец позвонили из участка, и дежурный офицер доложил, что нашлась маленькая девочка, которая дала этот номер телефона, но не назвала своего имени. Обнадеженная Дженет бросилась в участок и обнаружила, что Джеки совершенно спокойно сидит на табурете и болтает с полицейскими. А офицер с улыбкой поведал, что юная дама подошла к полицейскому и невозмутимо заявила: «Моя сестра и няня, кажется, потерялись». С тех пор Жаклин Бувье была любимицей полицейского участка Центрального парка.

Летом семейство Бувье переезжало в арендованный коттедж в Ист-Хэмптоне. Там Жаклин Бувье впервые попала в светскую хронику, которая отметила ее второй день рождения. Там же она впервые участвовала в выставке собак, где ее шотландский терьер Хучи получил одно из призовых мест. Однако вскоре летние сезоны они стали проводить в поместье деда Бувье «Ласата»¹ на Лонг-Айленде. Здесь на 12 акрах разместился теннисный корт, конюшня с восемью стойлами, манеж для выездки и выгул для лошадей. Центром поместья был увитый плющом громадный особняк в старинном стиле. Жаклин всегда с ностальгией и необыкновенной теплотой вспоминала Ласату, где прошли ее самые безоблачные годы, а отец и дед Бувье стали первыми главными мужчинами в ее жизни и оставались таковыми весьма долго.

Правда, назвать Ласату «тихим местом» было бы решением опрометчивым: не только из-за громкого голоса хозяина поместья (Майор был глуховат и потому сам орал немилосердно), но и из-за галльского темперамента его обитателей. Каждый из членов большой семьи имел собственную, нередко эксцентричную индивидуальность, и выяснение отношений нередко бывало

¹ «Ласата» на языке индейцев означает «Тихое место».

довольно бурным. Старший из детей Майора, Джон, не ладил ни с одним из домочадцев, отец не одобрял поведение сына, а мать неизменно ему потакала во всем. Так было и до его женитьбы на Дженет, и после нее, и даже после рождения дочерей — Жаклин и ее младшей сестры Кэролайн Ли, которая появилась на свет 3 марта 1933 года. Младшую дочку назвали в честь прабабушки, Кэролайн Юинг, но все звали ее вторым — коротким именем. Сама она сетовала: «Жаль, что никто не называл меня первым именем, Кэролайн, впрочем, второе дали исключительно затем, чтобы порадовать вредного деда». Но попытки родителей дважды умаслить богатого родственника потерпели фиаско: старый скряга настолько ненавидел всех Бувье, что впоследствии заставил внучек официально оформить отказ от претензий на его наследство.

В отношениях с дочками Блэк Джек скорее напоминал любовника, чем отца: безответственный, но веселый; тщеславный, но не терпящий скуки; нежный, но требовательный. Он считал, что все остальные в подметки не годятся ему и его дочерям, из-за чего последние никогда не ощущали себя частью большого клана, но в отце души не чаяли. Благодаря его наставлениям Ли и Жаклин, которую на американский манер звали Джеки, усвоили, что они должны стать лучшими из лучших. Не раз домочадцы и гости поместья были шокированы его высказываниями в духе: «В один прекрасный день Ли станет настоящей красоткой. Вы только посмотрите на эти глаза, на эти сексуальные губки». Подобные заявления в семье называли «витамином П» — от слова «похвала». Этот витамин чаще всего доставался Жаклин, причем заверения в том, что у дочерей не будет отбоя от поклонников, раздавались даже чаще, чем комплименты за умение держаться в седле: «Джеки выглядит просто потрясно. Все призы взяла в этом году... И вдобавок самая хорошенькая!»

Действительно, старшая дочь унаследовала от родителей самое лучшее: от любимого папочки красивую внешность и жизнелюбие, а от матери — спортивный дух и внешний лоск. Младшая сестренка в этом плане от нее не отставала, однако различие между сестрами было довольно сильным. Темноволосая Джеки росла прилежной и сдержанной, а блондинка Кэролайн отличалась активным и озорным нравом. «Когда мне было семь лет и мы жили в Нью-Йорке, я сбежала, — рассказывала однажды Ли. — Я взяла свою собаку и пошла по Бруклинскому мосту... Далеко я не ушла, довольно сложно сбежать на каблуках твоей матери». Играла свою роль и разница в возрасте между сестрами: «Слишком маленькая, я не могла быть такой спортивной и дерзкой во всем, — пишет Ли. — Просто была не в состоянии соответствовать его ожиданиям».

Джеки и Ли с раннего детства были соперницами — за право быть самой любимой, самой лучшей, самой первой. Их отношения были причудливой смесью близости и конкуренции, стремления защитить и острого желания доминировать, ревности и взаимозависимости. «Мне кажется, — откровенничала Ли, — как и всегда в отношениях между сестрами, я порой чувствовала и ревность, но привязанность все же перевешивала. В детстве я, наверное, была противной, как и все младшие сестры. Один раз мне, помню, досталось крокетным молотком. Мы вообще часто ссорились и дрались». Много лет спустя Ли даже гордо заявила журналу «Пипл»: «Я не чья-то младшая сестренка». Но чаще всего верх в этом негласном состязании одерживала Жаклин. И несмотря на то, что младших детей нередко опекают с большей заботой, именно Джеки оставалась всеобщей любимицей. Особенно баловали ее отец и старый Майор, которого малыши звали просто «дедом Бувье». Тем не менее сестры

были искренне привязаны друг к другу, ласково называя друг дружку Джекс и Пекс. И хотя в итоге жизнь развела сестер, эта кровная и духовная близость сохранялась между ними долгие годы.

Вспоминая детство на Лонг-Айленде, Ли писала: «В моей жизни, да, наверно, и в жизни Джеки, это время было по-настоящему счастливым, хотя и слишком коротким... Все тогда казалось таким простым. Нас еще не коснулись ни сложности, ни душевные терзания, ни страдания...» Она лирично описывала летние сезоны в Ист-Хэмптоне, любимый обеими океан, прогулки пятничными вечерами на станцию, чтобы встретить приехавшего из города на уик-энд отца, и подкладывание монеток на рельсы перед прибытием поезда.

Частенько за обедом Майор вынимал слуховой аппарат, чтобы его не отвлекали разговоры домочадцев, и сочинял стихотворение для одной из внучек, которое оглашал в конце застолья. Поэт из него был, мягко скажем, неважный, но Джеки унаследовала его увлечение поэзией. Как вспоминала Ли, «дед обожал Джеки, очевидно чувствуя ее громадный потенциал в той области, которая очень его интересовала, — в литературе. Они обменивались цветистыми письмами. Не знаю, дедушка ли внушил сестре любовь к поэзии, но Джеки заинтересовалась поэзией в очень раннем возрасте, чем весьма его радовала. <...> Мне кажется, если бы не привязанность Джеки к отцу и деду, она никогда не стала бы такой сильной и независимой, ведь нашу семью очень уж трудно назвать нормальной...»

Умение отлично держаться в седле было присуще всем членам семьи Джона Бувье III. Великолепная наездница Дженет в Ласате держала целый табун лошадей. Разумеется, дочери многократной победительницы чемпионатов были просто обречены на обучение верховой

езде. Впервые Дженет усадила на лошадь старшую дочь, когда той исполнился всего лишь годик. А когда ей стукнуло три года, мать или отец лишь придерживали длинный повод пони, на котором скакала их дочурка, бесстрашно перепрыгивая невысокие заборы. Начиная с пяти лет Жаклин уже ездил верхом в полном облачении. «Я помню, какой целеустремленной наездницей стала Жаклин, когда в ней проснулась жажда голубых лент победительницы конных выставок Ист-Энда, — вспоминал двоюродный брат Джеки, Джон Х. Дэвис. — Я помню, как поздним летним днем приходил в конюшню Ласаты и заставлял Жаклин после целого дня непрерывной езды в стойле с одной из ее лошадей, ухаживающей за животным с особой любовью, завивающей ее гриву и хвост, обнимающей ее, целующей ее».

Ли держалась в седле не так уверенно, тем более что Джон Бувье выбрал для младшей дочери пегого пони, который ей не нравился. «Отец хотел, чтобы я держалась в седле, как Джеки, и заставлял меня падать по пять-шесть раз, а упрямая лошадь все отказывалась перепрыгнуть через забор», — вспоминала она.

Летом 1934 года Дженет и Джеки выиграли третий приз в семейном классе на выставке лошадей в Ист-Хэмптоне. Пятилетнюю Джеки, одетую в костюм для дерби, сфотографировали верхом на пони во время вручения серебряного кубка. Этот приз стал первым в ее богатейшей коллекции наград безупречной наездницы. «Я до сих пор вижу Джеки с ее косичками и в наряде для верховой езды — шляпа, галстук-пластрон, длинные кожаные сапоги, — вспоминал тренер клуба верховой езды Сэмюэль Лестер. — Вскоре она стала приносить домой голубые ленты целыми коробками».

Конечно, не обходилось и без неудач. В том же году Джеки потерпела поражение на конном шоу в Смиттауне.

А в следующем году на Саутгемптонском конном шоу упала во время конкур¹. Правда, привыкшая к подобным падениям девочка тут же поднялась и попыталась снова взобраться на пони, но... в горячке подошла к нему с другой стороны.

С детства Джеки любила читать, сочинять рассказы и стихи, которые иллюстрировала собственными рисунками. Однако самой большой ее страстью были лошади. К восьмому дню рождения родители купили ей собственного пони. Летом 1937 года она выиграла Саутгемптонское конное шоу в классе детей до девяти лет, чем гордилось все семейство. В 1938-м завоевала еще одну голубую ленту на конном шоу в Ист-Хэмптоне, а следующим летом вновь стала победительницей в Саутгемптоне.

Фотографии юной наездницы стали все чаще мелькать в прессе, и отец невероятно гордился успехами дочери. На этих снимках Джеки предстает черноволосой крепышкой, с вызовом глядящей прямо в объектив. Ее широко расставленные «фамильные» глаза Бувье были карими, как у матери, а не пронзительно-синими, как у отца, а волосы — густыми и вьющимися. В 12 лет она оседлала Балерину, великолепную кобылу каштановой масти, которую обожала и ласково называла Донни. «Они были ужасно близки, — писала в мемуарах Ли, — папа, Джеки, а еще Балерина. Это странное трио просуществовало аж десять лет».

То были одни из самых радостных дней в жизни девушки, которая позже встретила свои личные трагедии и триумфы с тем же мужеством, твердостью духа и грацией, которые демонстрировала в качестве чемпионки по конному спорту.

¹ Конкур (фр. *concours hippique* — конные состязания) — наиболее зрелищный вид конных состязаний, суть которых заключается в преодолении препятствий определенной сложности в определенном порядке на специально обустроенном поле. Конкур является олимпийским видом спорта.